

Т. А. БЫКОВА

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАРАМЗИНА НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И ОТКЛИКИ НА НИХ В ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Успех Н. М. Карамзина, его авторитет в русских литературных кругах не могли не вызвать интереса к нему в Европе. Карамзин был первым русским писателем, произведения которого переводились в конце XVIII в. и начале XIX в. на разные иностранные языки, а не только на немецкий и польский, на которых до этого времени издавались произведения русских авторов.

Переводы Карамзина помещались в журналах, печатались отдельно, выходили сборниками. Возможно, что этому в какой-то мере содействовал сам автор. Во всяком случае он с вниманием следил за зарубежной прессой. Это видно из короткой заметки в ноябрьской книжке 1803 г. «Вестника Европы»,¹ где сообщалось о появлении его повестей в английских журналах. Этот же интерес проявляется и в переписке Н. М. Карамзина с И. И. Дмитриевым.²

Малое знакомство с русским языком в Европе, его трудность явились, вероятно, причиной того, что первые переводы были сделаны людьми, жившими в России. О трудности передачи русского языка говорят в предисловиях переводчики.

Настоящая статья посвящена обзору переводов вышедших при жизни Карамзина «Повестей», «Писем русского путешественника» и «Истории государства Российского» и откликов на эти издания в немецкой, французской и английской периодике.

Обзор не может претендовать на исчерпывающую полноту. Если знакомство с отдельными изданиями, хранящимися в фонде

¹ Вестник Европы, 1803, ч. XII, стр. 53.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

«Россика» Публичной библиотеки в Ленинграде, и дополнительный просмотр журналов того времени позволяют довольно полно учесть переводы указанных выше произведений, то с отзывами на них дело обстоит сложнее. На многие из них указал С. И. Пономарев.³ Однако собранные им сведения не охватывают всего материала, и даже с учетом журналов, указанных последующими исследователями, и с дополнениями, обнаруженными автором данной статьи, список откликов не может считаться полным. Многие указанные Пономаревым и дополнительно выявленные периодические издания не обнаружены в библиотеках Ленинграда.

Отклики на переводы повестей в журналах почти полностью отсутствуют. Поэтому приходится довольствоваться предисловиями и вступлениями переводчиков, где иногда дается оценка произведения.

Обзор переводов повестей дается ниже по языкам в хронологическом порядке появления перевода каждой повести как в отдельных изданиях, так и в журналах.

Прежде чем приступить к обзору, надо отметить роль, которую сыграл в ознакомлении Европы с произведениями Карамзина сборник Иоганна Рихтера «*Erzählungen von N. Karamsin. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Richter*» (Leipzig, 1800). О переводчике известно мало. Он жил одно время в России. В издававшихся им «*Russische Miscellen*» Рихтер подписывался русским имперским советником и придворным советником герцогства Саксен-Веймар, куда он переехал в 1804 г. В сборник вошли «Бедная Лиза», «Фрол Силин»,⁴ «Наталья, боярская дочь», переведенные из второго издания «*Моих безделок*» (1797), и «Юлия», вышедшая в Москве отдельным изданием в 1796 г. В предисловии Рихтер говорит, что его цель ознакомить немецких читателей с малоизвестным им писателем, повести которого имели в России большой успех. Различный «дух» русского и немецкого языков не допускает дословного перевода, некоторые мелочи им опущены. В отдельных случаях он меняет имена героев, о чем будет сказано ниже.

Сборник переводов И. Рихтера был целиком переведен на английский: *Russian Tales. Transl. in the English by John Battersby Erlington* (the translation also attributed to A. A. Feldborg).

³ С. И. Пономарев. Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. К столетию его литературной деятельности (1783—1883). СПб., 1883.

⁴ Рихтер употребляет форму имени «Флор», что соответствует написанию в святцах. Эта же форма употреблена и во всех последующих переводах этого рассказа.

London, Sydney, 1803. Второе издание озаглавлено: *Tales, from the Russian of Nicolai Karamzin*. London, J. Johnson, 1804.

Первое издание отсутствует в библиотеках Ленинграда, и описание его взято из каталога Библиотеки Британского музея,⁵ второе имеется в Публичной библиотеке. Каталог Британского музея отмечает в аннотации, что второе издание перепечатано с первого, но вышло с новым посвящением и предисловием. Как видно по библиотечному описанию, имя переводившего не установлено. А. Кросс в статье «Карамзин и Англия»⁶ считает, что работа, вероятно, выполнена Фельдборгом. В посвящении А. де Гюльденпальму, поверенному по датским делам при английском дворе, переводчик подписался «уроженец Дании» (*a native of Danmark*). Кросс указывает, что такая подпись Фельдборга встречается в его исследованиях о Дании и Норвегии и считает, что их автор и переводчик «Повестей» одно и то же лицо — *Andreas Anderson Feldborg*.

В предисловии Фельдборг указывает, что повести принесли Карамзину еще большую славу, чем «Письма русского путешественника». Несмотря на высокую оценку повестей, Фельдборг скорее дает их пересказ, чем перевод. Для большей эмоциональности изложения он ставит многоточия, некоторые подробности подлинника опускает. Все сокращения перевода и изменение имен героев, встречающихся у Рихтера, сохранены Фельдборгом.

Переводом И. Рихтера пользовался и Куафье в своем издании «*Romans du Nord, imités du Russe et du Panois, de Karamzin et du Suhm par Henri de Coiffier. Nouvelle édition revue par la traducteur*» (тт. 1—3, Paris, 1808). В первый том вошли три повести Карамзина. В помещенной «Заметке о романах Карамзина» Куафье указывает, что повести имели большой успех в Петербурге и Москве и переведены почти на все языки. Следующему Рихтеру, Куафье меняет имена героев повестей.

Обзор сборников показал популярность Карамзина-прозаика. Еще больше она подтверждается публикациями переводов отдельных повестей, к рассмотрению которых мы и переходим.

Первой повестью Карамзина, переведенной на иностранный язык, была «Юлия», русское издание которой вышло в Москве в 1796 г. Уже в февральской книжке журнала «Северный зри-

⁵ British Museum Catalogue of Printed books, v. 120, Jur—Karg. London, 1962, p. 873.

⁶ A. G. Cross. Karamzin and England. Reprinted from the Slavonic and East European Review, v. XLIII, № 100, December, 1964, pp. 110—111.

тель»,⁷ издававшегося в Гамбурге, был помещен ее перевод: Julie. Nouvelle traduite du russe de Mr. Karamzin par Mr. de Boulliers.

В предисловии Булье отмечает, что он хотел ограничиться анализом повести, но так как она коротка и известна только в России, он приводит ее целиком. Булье подчеркивает, что в стране, которую французы продолжают считать полуварварской, имеются писатели, соперничающие с Флорианом и Мармонтелем. Однако он понимает, что трудно представить «Юлию» на французском языке столь же «приятной» (aimable), как на русском. В предисловии Булье помещает стихи, посвященные Карамзину, о замечательном в России успехе «Юлии», которая теперь «меняет язык и говорит по-французски».

В том же переводе «Юлия» вышла отдельной книжкой: Julie. Nouvelle traduite du russe de Mr. Karamzin par Mr. de Boulliers. A Moscou, chez F. Courtener, libraire, 1797. Предисловие, помещенное в журнале, за исключением стихов, опущено.

Нельзя с уверенностью сказать, вышла ли повесть в Москве или в Гамбурге. Стихи напечатаны тем же мелким курсивом, что и в журнале, титульный лист с указанием места печатания (Москва) мог быть добавлен для распространения книги в России.⁸

Второй французский перевод «Юлии» напечатан в упомянутых выше «Романах Севера» Куафье.

Обнаружен только один перевод «Юлии» на немецкий язык в «Повестях» И. Рихтера (1800). Переводчик изменил имя Ариста на Бориса, а князю дал фамилию Карина.

Первый английский перевод, как уже указывалось, был помещен в «Немецком музее».⁹

⁷ Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral. Hambourg, 1797, t. I, février, pp. 183—203.

⁸ Экземпляр Публичной библиотеки подарен ей С. Д. Полторацким. В дарственной подписи Полторацкий, на основе совпадения курсивного шрифта в стихах, указывает, что книга напечатана не в Москве, а в Гамбургской типографии. Возможно, что Полторацкий и прав, и Куртнер получил книгу для продажи из Гамбурга. Но надо отметить, что шрифт самой повести не совпадает с гамбургским и обложка по своему оформлению близка к русским начала XIX в. Не удалось найти данных о книгопродавце Ф. Куртнере, хотя такая французская семья жила в России с 1785 г.

⁹ В журнале «The German Museum or Monthly repository of the literature of Germany, the North and the Continent in Generaly» (London, v. II for the year 1800, September, p. 104) была помещена заметка «О повестях Карамзина», в которой сказано, что журнал хочет ознакомить читателей с неизвестным им автором. В журнале были помещены переводы: в томе II — «Фрола Силина» (стр. 104—106), «Юлии» (стр. 211—224) и в томе III на 1801 г. — «Бедной Лизы» (стр. 30—38 и 116—122). В биб-

Второй английский перевод «Юлии» был сделан с французского в Петербурге: Mr. Karamzin's Julia translated from the russian in to french by Mr. de Boullier, and from the french in to english by Ann. P. H. . . St.-Petersburg, printed for F. Drechsler, 1803. Посвящение Е. А. Даумонту (Daumont) подписано «Ann Preusser Hawkins». В коротком предисловии Гаукинз говорит, что ей так понравился изящный перевод «Юлии» на французский язык, что она решила «одеть ее в английский наряд».

Третий перевод вышел в Лондоне в упоминавшихся выше «Повестях» (1804). О характере переводов Фельдборга, которые скорее являются переложением, уже упоминалось. Опуская подробности подлинника, он делает добавления от себя. Например, в любовной сцене Юлии и князя он пишет, что руки их сплелись, князь обнимал ее за талию.

Вслед за первым переводом¹⁰ «Бедной Лизы» на немецкий язык был сделан второй перевод Рихтером в 1800 г. и напечатан в «Сборнике повестей». Рихтер опустил в немецком тексте весь первый абзац, где Карамзин говорит о своем знании окрестностей Москвы и любви бродить по ним. Эраста он назвал Логином.

Третий перевод был помещен в «Мелочах русской и монгольской литературы» в феврале 1802 г.: Die arme Lise. Eine Erzählung aus dem Russischen des Herrn Nikolai Karamsin.¹¹ Перевод повести дан полностью; Эраст назван Эрнстом. В предисловии к журналу издатель Вениамин Бергман указывает, что цель его ознакомить иностранных читателей с лучшими русскими и монгольскими литературными произведениями. Русский язык создан для передачи чувств; до сих пор была больше разработана поэзия, чем проза.

Четвертый перевод «Бедной Лизы» А. А. Перовского полный, без всяких искажений, посвящен отцу переводчика графу А. К. Разумовскому: Die arme Lise übersetzt aus dem Russischen von Alexis Peroffsky. Moskau, 1807.

биографии Мэйо (R. В. Mayo. The english novel in the magazines 1740—1815. London, 1962, p. 537) указано, что перевод «Юлии» помимо «Немецкого музея» был напечатан в октябре того же 1800 г. в «Universal Magazine» и ряде периодических изданий, в том числе в «Hibernian Magazine», а в 1809 г. в «Belle Assemblée, VI» (February, part I) и «Monthly Panteon, II» (May, 1809, part 1). Все эти журналы в библиотеках Ленинграда отсутствуют.

¹⁰ О первом переводе см. статью: Х. Грасгоф. Первый немецкий перевод «Бедной Лизы» и его автор. В кн.: Русско-европейские литературные связи. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 179—187.

¹¹ Miscellen der Russischen und Mogolischen (!) Literatur. Eine Monatschrift auf das Jahr 1802, Februar. 2. Stuck. Riga und Leipzig, SS. 77—114.

Первый французский перевод «Бедной Лизы», выполненный Куафье, появился в «Тысяче и одной новелле»¹² раньше, чем перевод в его «Романах Севера», но в том же 1808 г. Неточность перевода заставила Куафье пересмотреть его и в исправленном виде перепечатать в «Романах Севера».

Третий французский перевод «Бедной Лизы» был выполнен воспитанником Казанского университета В. В. Пановым и посвящен его матери: *La pauvre Lise. Kazan, 1817*. Повесть переведена полностью, без искажения имен.

Впервые английский перевод «Бедной Лизы» был помещен в журнале «Немецкий музей»,¹³ второй, выполненный Фельдборгом, — в «Повестях» (Лондон, 1804). В обоих переводах сохранены сокращения повести и изменение имен, имеющиеся у Рихтера.

«Марфа Посадница» выходила на французском языке три раза отдельными изданиями. Первое вышло в Москве: *Marpha ou la Prise de Novgorod, nouvelle historique par Monsieur de Karamzin. Traduite du Russe par J. V. P... ze. Moscou, 1804*. В экземпляре Публичной библиотеки карандашом проставлена фамилия — Plouze. Проверить точность указания не удалось. В «Предупреждении» переводчик говорит, что русский язык, несомненно, самый богатый и самый красивый из всех европейских языков. Своей красотой он обязан писателям последних лет; среди прозаиков наиболее изящный язык Карамзина. К сожалению, искусство автора невозможно передать в переводе. Его произведения хорошо приняты заграничными читателями.

Перевод «Марфы» довольно точный, снабжен ссылками, поясняющими некоторые слова, непонятные иностранцам, — посадник, вече и др. Некоторые из примечаний русского подлинника опущены.

Этот перевод в том же наборе был выпущен с другим титульным листом: *Marpha ou la prise de Novgorod, nouvelle historique par Monsieur de Karamzin. Traduite du Russe par J. V. P... ze. Moscou et Leipzig, 1805*. Вероятно, замена титульного листа была сделана для распространения книги в Европе. Идентичность этих книг установил еще С. Д. Полторацкий в своей дарственной надписи Публичной библиотеке на издании следующего перевода, фактически являющегося вторым: *Marfa ou Novgorod subjuguée, Anecdote historique, traduite du Russe. Avec*

¹² *Les mille et une nouvelles, ouvrage périodique, pouvant faire suite à toutes les Bibliothèques des romans. Par une Société des gens de Lettres. T. 9, 1e partie, Paris, 1808. 80 nouvelle: La pauvre Lise.*

¹³ *German Museum...*, v. 3, for the year 1801. January, pp. 30—48; February, pp. 116—122.

un avant-propos du traducteur. Genève, 1805. В предисловии изложена история Новгорода и его борьбы за самостоятельность. Перевод достаточно точен, с пояснительными ссылками переводчика; приведены не все примечания автора. Иногда переводчик пополняет текст от себя, например, на стр. 8: к словам — *Олег построил Киев* — добавлено: *на святой горе*.

Значительно позднее был выполнен третий перевод «Марфы» плодовитым французским писателем Оже де Сент-Ипполитом: *Marpha ou Novgorod conquise, nouvelle historique, traduite de russe de M. de Karamzin. Par A. St. Hippolyte. Paris, 1818*. У переводчика есть произведения на темы из русской жизни. В предисловии Оже отмечает, что «Марфа» — повесть более высокого стиля, чем другие повести, помещенные в «Романах Севера» Куафье. Ее достоинство может быть оценено после знакомства с «Историей государства Российского». «Марфа» была напечатана в Москве в 1803 г. и поразила всех читателей чистотой русского языка. Цель повести — вызвать интерес к истории собственной страны. Перевод довольно точный, с примечаниями.

В своем журнале¹⁴ И. Рихтер поместил перевод «Марфы»: *Marfa Posadniza oder die Bezwingung Novgorods. Eine Erzählung von Nikolaj v. Karamsin. Aus dem Westnik Jewtropy übersezt*. В предисловии Рихтер делает интересное замечание. Всеми читаемый автор избрал темой увлекательного рассказа любовь к свободе и республике, и московская цензура его пропускает. Это свидетельствует о новых либеральных веяниях в стране. Повесть дает картину величия Новгорода, передает нравы и дух того времени, является истинно русским национальным произведением и заслуживает того, чтобы ее поместить в журнале.

Второй немецкий перевод «Марфы» был напечатан в сборнике «*Aglaja. Romantische und historische Erzählungen. Nach dem Russischen des Karamsin herausgegeben von Ferdinand von Biedenfeld*» (Leipzig, 1819). Сборник не был переизданием русского гальманаха, из него взяты только некоторые произведения и дополнены другими, частью из «Моиx безделок» и частью вышедшими отдельно. Из повестей включены «Марфа» и единственный обнаруженный нами перевод «Сиерра-Морены». В предисловии Биденфельд признается, что он недостаточно знает русский язык и ему помогал его учитель Клефке (Kläfke). Текст не всегда точно понят переводчиком, например слова Холмского, где он говорит от имени «князя Московского и всея

¹⁴ *Russische Miscellen*, Bd. 2, Leipzig, 1803, NN 4—6, SS. 6—46, 1—49, 1—52.

Руси», переведены: *Moscau Fürst das ganze Reich der Russen spricht durch meinen Mund.*¹⁵

Первый перевод «Натальи, боярской дочери» был сделан И. Рихтером и появился в 1800 г. в его «Повестях». В переводе отсутствует все вступление Карамзина: «Кто не любит тех времен, когда русские были русскими...». Очевидно, выраженные во вступлении мысли и чувства были чужды Рихтеру, и он считал ненужным знакомить с ними иностранцев. Перевод обрывается на трогательной сцене примирения боярина Андреева с дочерью и зятем: опущено описание их счастливого супружества и места погребения.

Такое же сокращение текста сохранил Фельдберг в переводе «Повестей» (London, 1804). Он выделил «Наталью, боярскую дочь» среди других повестей, с похвалой отозвался о ее героическом характере, хотя с точки зрения морали не одобрил ее бегства из отцовского дома.

«Фрол Силин» впервые был переведен на немецкий язык И. Рихтером (в 1800 г.) и с его перевода — дважды на английский язык. В сентябрьской книжке «Немецкого музея» помещен первый сокращенный перевод «Фрола Силина».¹⁶

Второй перевод, Фельдберга, — в «Повестях» (Лондон, 1804). Фельдбергу, очевидно, понравилось, что Карамзин, говоря о пантеоне в Вестминстерском аббатстве, назвал англичан «славнейшей нацией»: переводчик отмечает, что замечание об аббатстве правильно.

Перевод на французский язык повести «Чувствительный и холодный» был выполнен другом детства Карамзина Арсением Хвастовым: *Le sensible et l'indifférent. Trad. du russe. St.-Petersbourg, 1806.* Имя переводчика указано в посвящении книги рыцарю Мальтийского ордена Демчинскому: *Arg. Khvastow.*

Полные переводы «Острова Борнгольма» не обнаружены. В 1821 г. известный английский поэт и переводчик Джон Бауринг издал «Российскую антологию»: *Specimens of the russian poets with preliminary remarks and biographical notices. Trans. by John Bowring. London, 1821.* Выбраны образцы стихов разных поэтов, в том числе помещен вольный перевод песни из «Острова Борнгольма». В предисловии Бауринг называет Карамзина наиболее известным и популярным автором, стоящим во главе русских писателей. В конце книги приведены биографии писателей, включенных в «Антологию». Биографии составлены другом поэта Ф. П. Аделунгом.

¹⁵ Князь Московский и все Русское государство говорит моими устами.

¹⁶ *The German Museum...*, v. II, for the year 1800, September, pp. 104—106.

Как указывалось выше, отзывов о повестях Н. М. Карамзина удалось обнаружить мало. Отклик на сборник И. Рихтера 1800 г. появился в том же году во французском «Журнале иностранной литературы».¹⁷ Рецензент говорит, что эти маленькие повести были хорошо приняты в России, но мнение, высказанное в «Северном зрителе» о том, что автора можно приравнять к Флориану и Мармонтелю, преувеличено, и Карамзин много теряет при этом сравнении. Рецензент в нескольких словах передает содержание каждой повести; только «Наталья» получает оценку «интересной».

Отзыв о «Бедной Лизе» был дан А. Л. Шлецером. В резкой критике на журнал, издававшийся Вениамином Бергманом, «Мелочи из русской и монгольской литературы»,¹⁸ Шлецер отрицательно говорит о подборе переведенных произведений и между другими упоминает «Бедную Лизу»: банальная история, крестьянская девушка, обманутая знатным злодеем, хорошо и трогательно изложенная, но зачем ее переводить для заграницы.

О «Российской антологии» поэт Франсуа Ренуар поместил заметку в «Journal des Savants»,¹⁹ однако она состоит в пересказе содержания сборника, без критического отзыва.

Общий обзор «Российской антологии» был дан в «Геттингенских ученых записках», где Карамзину отведены четыре строчки.²⁰ Рецензент отмечает, что после выхода «Истории государства Российского» появился большой интерес к русской литературе, что и заставило Бауринга издать свою «Антологию».

«Письма русского путешественника» — самое большое и значительное по своему литературному и общественному значению произведение Карамзина — было переведено при его жизни только два раза — на немецкий и английский языки. Два маленьких отрывка были переведены на французский язык самим Карамзиным.

В октябре 1797 г. в журнале «Северный зритель» появилось анонимное «Письмо о русской литературе».²¹ Автором письма был Карамзин. В «Письме» содержится обзор русской литера-

¹⁷ Journal général de la littérature étrangère I-re année, I-re partie, Paris—Strasbourg, 1801, № 3, p 130.

¹⁸ Göttingische gelehrte Anzeigen, Bd 2, auf das Jahr 1804, № 82, SS 809—806

¹⁹ Journal des Savants, 1821, août, pp 477—486

²⁰ Göttingische gelehrte Anzeigen, 1822, № 144, SS 1433—1438

²¹ Lettre au Spectateur sur la littérature russe Spectateur du Nord, 1797, octobre, pp 53—71

туры за прошлые годы и краткое изложение ее теперешнего состояния. Для того чтобы дать представление о русской манере восприятия вещей, автор приводит отрывок из прозаического произведения «Lettres d'un Voyageur Russe» (5 vol. Moscow, 1797),²² которое произвело сенсацию в России. Очевидно, Карамзин еще не знал, что последние два тома будут задержаны цензурой и выйдут после смерти Павла I в 1801 г. Карамзин излагает содержание «Писем», но два отрывка приводит полностью, в кавычках, — о французской революции и о пребывании в Англии. Отрывок о французской революции интересен тем, что он отличается от оценки революции в пятом томе «Писем», где отношение Карамзина к революции отрицательное. Во французском тексте Карамзин говорит о революции как о явлении, которое создаст эпоху и определит судьбы человечества на долгие годы. Г. П. Макогоненко считает, что этот отрывок был написан Карамзиным в 1792—1793 гг., но не включен в русское издание 1797—1801 гг.²³

Перевод «Писем» на немецкий язык был начат И. Рихтером сразу после появления русского издания в 1797—1801 гг. и выходил немногим позже русских томов — в 1799—1802 гг.: *Briefe eines reisenden Russen von Karamsin. Aus dem russischen von Johann Richter. Bd. 1—6. Leipzig, J. Hartknoch, 1799—1800.*

Издание вышло в Лейпциге, так как цензор Ф. Туманский запретил печатать его в Риге. Перевод просматривался Карамзиным, поэтому он довольно точен. У. Леман считает его единственным авторитетным немецким переводом.²⁴ В предисловии Рихтер говорит, что «Письма» появились сначала в «Московском журнале» и создали славу писателю. Они привлекают выражением нежных чувств и известной наивностью изображения. Они не могут быть так же интересны для немецкого читателя, как для русского, но дадут представление о состоянии русской литературы в конце XVIII в., о чем в Германии почти ничего неизвестно. Помимо всего, описание путешествия составляет приятное чтение.

²² Письма русского путешественника в пяти томах. М., 1797. — Отрывок из французского текста «Писем русского путешественника» помещен в «Письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (стр. 473—483).

²³ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 12.

²⁴ У. Леман. Н. М. Карамзин и В. фон Вольцоген. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век, сб. 7. Изд. «Наука», Л., 1966, стр. 270.

Книга, по-видимому, имела успех в Германии, так как в 1802—1809 гг. Харткнох выпустил второе, пересмотренное издание ее.

С перевода Рихтера был сделан английский под заглавием: *Travels from Moscow through Prussia, Germany, Switzerland, France and England. By Nicolai Karamzin. Translated from the German. V. 1—3. London, 1803.* Предполагаемое имя переводчика упоминалось в лондонском издании «Повестей» Карамзина (1803), где в предисловии Фельдборг указывает, что им были переведены и «Письма».

Отклики на первые четыре тома «Писем» появились во французском²⁵ и в английских журналах. Оценка во французском журнале положительная. «Письма» — интересное и поучительное чтение, хотя не описывают ничего нового. Автор очаровывает искренностью стиля и одушевляющими его чувствами. Карамзин предпринял путешествие для ознакомления с культурным состоянием стран, благосостоянием жителей и знакомства со знаменитыми людьми. Нарисованные им портреты правдивы, так как он не скрывает недостатков, виденных им писателей, отдавая должное их талантам. Он видел Лафатера, Виланда, Гердера. Рецензент предупреждает, что с иностранцами, предполагающими публиковать свои странствования, надо быть осторожными. Уверив Виланда, что он не намерен разглашать их беседу, Карамзин опубликовал ее почти дословно. По «Письмам» видно, что некоторые города автор проехал, не обратив внимания на достопримечательности. Несмотря на эти недостатки «Письма» представляют приятное чтение и полезны тем, кто хочет предпринять путешествие.

В 1800 г. появилась небольшая заметка в Англии в «Немецком музее».²⁶ Автор рецензии говорит, что русские редко издают описания путешествий, тем внимательнее надо с ними знакомиться. Карамзин — прославленный прозаик и поэт и один из любимых писателей Москвы. Его «Письма», написанные 10 лет назад, менее интересны, чем описания других иностранных путешественников, вышедшие с тех пор. В «Письмах» много правильных наблюдений, они дают представление о русской литературе и много «анекдотов» (рассказов).

Среди анекдотов рецензента поразил рассказ о бдительности русской полиции, которая не разрешила Карамзину выехать морем, так как в Москве ему был выдан паспорт для сухопут-

²⁵ Journal général de la littérature étrangère, I-re année, I-re partie, 1801, № 3, pp. 107—108.

²⁶ The German Museum. . . , v. II for the year 1800, August, pp. 106—109.

ного путешествия. Рецензент останавливается на отдельных, описанных Карамзиным фактах и заканчивает свой обзор Германией.

После выхода лондонского издания «Писем» в 1803 г. в двух журналах появились критические статьи. Первая в «Эдинбургском обозрении».²⁷ Автором рецензии на «Письма» был Генри Брум (Brouham),²⁸ один из наиболее острых и сатирически настроенных сотрудников журнала. Отзыв резко критический. Брум говорит, что только редкость издания русских путешествий и «восхитительная тупость» автора могли заставить включить в обозрение журнала эту книгу, которая по своему содержанию значительно ниже привычных описаний путешествий. Автор принадлежит к числу сентиментальных путешествующих дворян, которые описывают обыденные события и пренебрегают крупными, не замечают войн и революций, а рассматривают свои чувства и интересы как предмет, на который должны быть обращены взоры всех. Брум с иронией говорит об описании горестного расставания с друзьями и очень резко отзывается о бесцеремонном обычае Карамзина вторгаться к знаменитым людям. Назойливость Карамзина заставила, наконец, Виланда его принять. Несмотря на данное Карамзиным обещание не разглашать их беседу, он ее полностью описал. «Таково, — заключает Брум, — поведение людей, поглощенных чувствами и забывающих всякую пристойность». Путешественник посетил Лафатера, тщеславие которого он питал, поглощая его обеды. Брум высмеивает идиллическое описание Швейцарии, некоторые эпизоды по пути во Францию, останавливается на мелочах пребывания в Париже: Карамзин отказывается ступить на ту улицу, где был убит Генрих IV; в Булонском лесу, расспросив старушку нищенку о всех ее горестях, он пожимает ей руку и удаляется. Брум издевается над наблюдением Карамзина, что англичане склонны к самоубийствам, так как едят много мяса, а также и над другими описанными странностями английского характера. Он предупреждает читателей, что не всегда можно верить автору, и в заключение отмечает, что

²⁷ Edinburgh Review or Critical Journal. Edinburgh, 1804, v. III, № 6, pp. 321—328. — Журнал был основан в Эдинбурге в октябре 1802 г. группой молодежи и создал новую эру в английской журнальной критике, расширил ее рамки, принял более решительный тон в своих отзывах, которые отличались резкостью. Мы пользовались шестым переизданием журнала (Лондон, 1810, стр. 321—328).

²⁸ W. A. Copinger. On the authorship of the first 100. numbers of the «Edinburgh Review». Manchester, 1895, p. 6. (Bibliographiana, № 21). — Русский текст этой рецензии в переводе начала XIX в. см. в публикации М. А. Арзумановой на стр. 315—323 настоящего сборника. (Прим. ред.).

встречаются неточности в немецком переводе, но, несомненно, некоторые ошибки принадлежат автору.

Для большей убедительности Брум включает в свой отзыв цитаты из «Писем».

Следующая большая рецензия на «Письма русского путешественника», помещенная в «Ежемесячном обозрении»,²⁹ была мягче и доброжелательнее по тону, но достаточно критична по содержанию. Даже самое внимательное чтение «Писем» не дает читателю ничего существенно нового, но не надо забывать, что автор — уроженец Москвы, не достиг еще 25 лет. Для многих сентиментальная манера изложения автора может показаться аффектированной, но его письма редко бывают скучными, изложение живое, картинное и всегда литературное. Разбор не лишен иронии и несколько пренебрежительного отношения к русским.

Рецензент обращает внимание на многие факты, на которых останавливался в своей рецензии и Брум. О посещении Лафатера приводится длинная цитата. Говорится, с какой смелостью Карамзин сам себя представил Канту. Не без сарказма автор рецензии отмечает, что сверток заржавленного оружия и кольчуг вызывает рассуждение на час о прошлых временах. Процитировано длинное описание шарлатанства Шрепфера; читатель не успевает опомниться от изумления от рассказа о мошенничестве, как ему приходится любоваться русской изысканной любезностью — путешественник предпочитает чтение «Векфильдского священника» разговору с молодой девушкой, порученной его попечению. В оценке описания Швейцарии рецензент расходится с Брумом и считает, что изложено много живых впечатлений. В рецензии совершенно не говорится о пребывании Карамзина в Париже, об английских впечатлениях сделано несколько иронических замечаний. Перевод «Писем» признан удовлетворительным.

Значительно позднее, в 1821 г., Джон Бауринг в «Российской антологии» мимоходом заметил, очевидно, имея в виду «Письма», что в молодости Карамзин подражал Стерну, а это плохой образец.

По приведенным рецензиям можно судить, что в Европе в это время были мало знакомы с русской жизнью и писателями и не представляли себе, какое значение имел Карамзин и его «Письма» в русской литературе. Сентиментальный стиль уже пережил свое время в Англии и воспринимался с иронией.

²⁹ The Monthly Review or Literary Journal, v. XLIV, London, 1804, pp 262—272.

Отзывы показывают также, что англичанам и французам было непонятно стремление Карамзина знакомиться со знаменитыми людьми, т. е. получать представление о Европе из первоисточников.

В 1819 г. в Париже начал выходить перевод многолетнего труда Н. М. Карамзина «История государства Российского», сделанный со второго русского издания — «Histoire de l'Empire de Russie par M. Karamsin. Traduite par St. Thomas et Jauffret, Paris, 1819». На него была объявлена предварительная подписка в журнале «Conservateur Impartial»,³⁰ а также выпущен отдельный проспект в Париже: *Souscription. Histoire de l'Empire de Russie par N. de Karamzin. Traduite sous les yeux de l'auteur et sur la deuxième édition revue et corrigée. Par MM. St. Thomas et Jauffret.* В проспекте приведено предисловие Карамзина к русскому изданию и в качестве образца перевод главы из четвертого тома о разорении Киева монголами в 1240 г. Жофре знал русский язык, Сен-Тома не знал его совсем, и К. С. Сербинович дословно переводил ему текст на французский язык, а он обрабатывал литературно. В работе над девятым томом Сен-Тома помогал О. М. Сомов; начиная с десятого тома перевод сделан Дивовым в сотрудничестве с Карамзиным. В первом томе помещено предисловие в панегирическом духе. Переводчики указывают, что «История» является национальным русским памятником и создаст эпоху в русской литературе. В конце XVIII в. появилась полная и хорошо написанная история России Левека,³¹ но она написана иностранцем. И вот явился человек с пламенной душой, блестящим воображением, сдержанным серьезными исследованиями, и выдвинулся в число лучших историков. Европа ждет перевода «Истории», но это трудная задача. Выразительность старого русского языка требует точности. Созданный автором стиль скоро станет образцом для литературы страны. Автор согласился просмотреть перевод, а также указал, какие из многочисленных примечаний можно опустить, так как они представляют интерес только для русских.

О переводе первых четырех томов Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Перевод французский недурен и по большей части верен; но довольно ошибок от небрежения».³² Седьмой и восьмой том «Истории» Сен-Тома издал в Париже, не показав своей рукописи Карамзину и не дождавшись той, которая была

³⁰ *Conservateur Impartial*. St.-Petersbourg, 1818. — Объявление приложено к № 68 от 23 августа.

³¹ P. Levesque. *Histoire de la Russie*, tt. 1—5. Paris, 1782.

³² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 279.

послана ему из Петербурга. «... будет много нелепицы», — писал Карамзин Дмитриеву.³³ В другом месте он отзываясь о Сен-Тома: «... лучше, если бы он не переводил моей рукописи».³⁴

В ноябре 1819 г. в «Журнале ученых»³⁵ появилась первая рецензия историка Пьера Дону о французском переводе «Истории государства Российского». До 1821 г. Дону поместил в журнале еще три отзыва — всего о восьми томах перевода.

Дону, по-видимому, не был знаком с работами русских историков и считал, что об истории России выходило больше работ на французском языке, чем на русском. Три издания «Истории России» Левека достаточно ознакомили французских читателей с событиями этой страны, но «История» Карамзина дает много нового. Дону с похвалой отзывался о большом числе примечаний, благодаря которым изложение основано на подлинных источниках. Стройный план, живой рассказ, простой язык вызывают уважение к «Истории»; Дону хвалит также перевод, который по мере выхода томов становится точнее, стиль изложения легче и изящнее, неоднократно жалеет, что переводчики опустили часть примечаний автора; говорит о типографских ошибках.

Всю исследовательскую работу Карамзина, весь обнаруженный документальный материал Дону мало оценил.

В декабре 1820 г. в газете «Journal des Débats»³⁶ появился отзыв неизвестного автора о переводе «Истории» на французский язык. Рецензент высказывает ряд соображений о России и утверждает, что о прошлом страны распространено много басен. Оценивая труд Карамзина, рецензент отмечает, что автор прилагает все усилия для того, чтобы заинтересовать историей России иностранцев. Карамзин считает, что историю нельзя излагать беспристрастно; патриотизм превалирует у него над объективностью; его энтузиазм преувеличен, когда он говорит о вещах, делающих честь его отечеству, когда он утверждает, что Россия имеет всемирное значение. Патриотизм Карамзина восхищает, но читатель предпочитает истину. Прошлое России интересует рецензента в связи с ее современным положением, когда политики утверждают, что Россия победит Восток и Европу.

В ноябре 1820 г. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву, что во французских, немецких и итальянских газетах появились

³³ Там же, стр. 300.

³⁴ Там же, стр. 325.

³⁵ Journal des Savants. Paris, 1819, novembre, pp. 665—672; 1820, mai, pp. 280—286, septembre, pp. 543—553; 1821, juillet, pp. 435—439.

³⁶ Journal des Débats politiques et littéraires, 1820, le 5, 10, 12, decembre.

отклики на перевод «Истории», даже в либеральном «Constitutionel».³⁷ К сожалению, перечисленные им издания отсутствуют в библиотеках Ленинграда. Одна из заметок, помещенная в «Moniteur Universel», приведена в примечании к письму к И. И. Дмитриеву.³⁸ «Монитор» пишет, что интерес к «Истории» и ее успех вызваны ростом влияния России на европейские дела. Изложение, по словам рецензента, дает широкую картину России от древних времен. Рассуждения автора продуманы, беспристрастны, стиль изложения спокойный, проникнут «народностью» (nationalité) — все вместе рисует историка прежде всего как честного человека: у него все основано на документах. «История» Карамзина должна быть причислена к классическим произведениям, делающим честь современной литературе. Заслуживает похвалы и перевод: видно, что переводчики разделили труд — один переводил текст, другой его обрабатывал на французском языке, и это вышло удачно.

Годом позже французского начал выходить немецкий перевод: *Karamsins Geschichte des Russischen Reiches Nach der 2. Original-Ausgabe übersetzt*, Bd. I. Riga, 1820. Первые три тома переводил директор пансиона при Царскосельском лицее Фридрих Гаценшильд. После его отъезда из России перевод продолжал Август Ольдекоп (Евстафий Иванович), воспитанник Московского университета, много занимавшийся переводческой деятельностью, а с седьмого тома — Эртель, совместно с Карамзиным. Предыдущие тома также просматривались автором.

Изданием первого тома Карамзин остался недоволен и нашел в нем 100 ошибок, «отчасти грубых и непонятных».³⁹

В 1822 г. в «Геттингенских ученых записках»⁴⁰ появился отклик на французский перевод восьми томов «Истории» и первых двух немецких историка Арнольда Геерена (Arnold Heeren). Рецензент отмечает подробность изложения «Истории» — восьмой том доводит повествование только до 1561 г. По первым двум томам можно судить об учености автора, его прилежании и о трудностях, которые возникли при работе. Карамзин излагает свои взгляды, избегая полемики. Задача труда не только историческая, автор хочет поднять свою нацию до высоких благородных чувств. Где возможно, он проявляет ненависть к тирании и угнетению, несправедливым войнам; в то же время открыто признает, что Россия обязана своим величием само-

³⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 299.

³⁸ Там же, стр. 0138—0139.

³⁹ Там же, стр. 279.

⁴⁰ *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1822, Bd. 2, № 133—134, SS. 1321—1329.

державию. «История» относится к тем произведениям, где рядом с точным историческим рассказом виден образ мыслей автора, и в этом и заключается главный интерес работы. Полезно для русской нации, что классический автор составил историю, полную собственных суждений.

Отзыв Геерена отличается от французских: видно его стремление обрисовать Карамзина как историка-мыслителя.

Перевод «Истории» появился тогда, когда Россия играла значительную роль в европейских делах, и это, конечно, вызвало повышенный интерес к ее прошлому.

Все обнаруженные материалы дают возможность сделать некоторые выводы об отношении в Европе к произведениям Карамзина.

Об интересе к повестям Карамзина свидетельствует значительное количество обнаруженных нами переводов на иностранные языки. «Юлия» была переведена два раза на французский, один раз на немецкий языки и три раза на английский, из них два перевода напечатаны в журналах. Четыре перевода в английских периодических изданиях, указанных Мэйю, не удалось обнаружить из-за отсутствия журналов в Ленинграде.

«Бедная Лиза» была четырежды переведена на немецкий и французский языки и два раза на английский; три перевода появились в периодической печати.

Имеется по одному переводу на каждый из трех языков «Натальи, боярской дочери» в сборниках переводов. «Фрол Силин» был один раз переведен на немецкий язык и дважды на английский, из них один помещен в журнале.

Удалось обнаружить единственный перевод «Сиерры-Морены» на немецкий язык в сборнике «Аглая» (1819). Там же находится и немецкий перевод «Марфы Посадницы». На французский язык «Марфа» была переведена три раза; переводы вышли отдельными изданиями, один из них — дважды.

«Чувствительный и холодный» в переводе Арсения Хвостова на французский язык был напечатан в Петербурге в 1806 г.

Во всех предисловиях переводчики отмечают литературный успех Карамзина и прекрасный стиль. Оценка повестей по содержанию дается редко. Фельдберг указал на героизм «Натальи» и о ней же как интересной повести упомянул «Всеобщий журнал иностранной литературы». Оже де Сент-Ипполит говорит о достоинствах повести «Марфа Посадница», а Рихтер — о свободолюбивых ее мотивах.

Надо отметить значение переводов И. Рихтера. Они ознакомили с произведениями Карамзина не только Англию и Францию, но и другие европейские страны. С перевода «Повестей»

1800 г. был сделан датский перевод: *Fortaellinger af N. Karamsin. Oversatte af Russisk pda Tydsk ved I. Richter. Fordanskede ved T. R. Thiele. Kiobenhavn, 1801.* В 1806 г. — шведский: *Beretelser af N. Karamzin. Ruskt Original. Ofversättning at L. Brentis. Göteborg, 1806.* «Письма русского путешественника» переведены с немецкого на голландский: *Reizen door Russland, Zwitserland, Frankrijk en England; door N. Karamsin. Uit het Hoogduitsch vortald. D. 1—3. Leayden, P. H. Trap, 1804—1808.*

Наибольшее количество переводов повестей и откликов на них появилось в первые годы XIX в. в английских журналах.

Интерес к произведениям Карамзина проявили немецкие журналы, связанные с Россией. Отсутствие откликов в Германии объяснимо обстоятельствами, указанными в «Геттингенских ученых записках».⁴¹ В журнале несколько лет не было обзоров по России. Отчасти это объясняется смертью Шлецера, который вел этот отдел; помимо этого, перерыв сношений между странами в связи с политическими событиями, падение торговли, трудность и дороговизна частной переписки также послужили причиной отсутствия обзоров.

При хронологическом просмотре предисловий и откликов на произведения Карамзина вырисовывается картина изменения отношения в Европе к России и к Карамзину. В первых переводах повестей высказывалось некоторое удивление, что в стране, которую привыкли считать полуварварской, появляются подлинные литературные произведения. В 1804 г. указывается, что при оценке «Писем русского путешественника» не надо забывать о том, что Карамзин уроженец Москвы и к нему надо подходить снисходительно. Постепенно подобные замечания исчезают. В 1820 г. говорят о величии России и ее влиянии на европейские дела. Карамзина не только перестают приравнивать к Флориану и Мармонтелю, но отмечают его значение в литературе, а его «Историю государства Российского» называют классическим произведением.

Несмотря на большое количество переводов произведений Карамзина, на интерес, проявленный к нему в иностранной прессе, в каталогах двух крупнейших книгохранилищ Европы — Национальной библиотеке в Париже и Британского музея — упомянуто только несколько прижизненных изданий Карамзина.

Очень мало сведений дают о нем ранние энциклопедии и библиографические словари. Энциклопедия Брокгауза⁴² 1827 г.

⁴¹ Göttingische gelehrte Anzeigen, 1817, Bd. 1, NN 45—46, S. 441.

⁴² Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände (Conversations Lexikon). 7-te Originalausgabe, Bd. 6. Leipzig, 1827, SS. 40—41.

уделила Карамзину одну страницу, сообщая, что многие считают его лучшим прозаиком в России. Упомянуты «История государства Российского», ее переводы, немецкий перевод «Писем русского путешественника», сборник «Аглая». О стихах сказано, что они поражают пустым сентиментализмом. Во «Всеобщем библиографическом словаре»⁴³ в 1841 г. почти вся статья о Карамзине занята не очень благоприятным критическим разбором «Истории государства Российского». Из повестей упомянуто только «Марфа Посадница». В конце приведен неполный список его произведений.

В седьмом издании Британской энциклопедии, вышедшей в сороковых годах, о Карамзине не упомянуто совсем.

⁴³ *Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplement*, Т. 68, Paris, 1841, pp. 406—411.